

не были представлены достаточно целостно, как того стоило бы желать, учитывая протяженность российской Арктики.

Как единый комплекс исследований воспринимались доклады, посвященные истории самой принимающей страны – Исландии. А. А г н а р с д о т т е р (Исландский Университет) рассказала в своем сообщении об отношениях Дании и Исландии как центра и периферии во времена наполеоновских войн. Интерес вызвали сообщения У. Ф и т з х у г а (США) и О. В и л ь я м с о н а (Исландия) об истории навигации в Арктике и плаваниях викингов. Однако более цельно, на наш взгляд, была представлена не политическая и культурная, но социально-экономическая история Исландии.

А. Д е н и э л ь (Дания) уделил внимание влиянию внешней среды на состояние сельского хозяйства Исландии на рубеже Средневековья и Нового Времени. А. К р и с т и н с о н (Исландия) рассмотрел вопрос отношения производственных возможностей в доиндустриальной Исландии и оптимального уровня численности популяции, который в начале XVIII в. не превышал 50 тыс. чел. Дж. Д ж о н с о н и О. Д у р м и н д с о н (оба – Исландия) представили обзорно-аналитическое исследование процессов развития сельского хозяйства Исландии с середины XVIII до середины XX в. Исследование А. О г и л в ь е (США) было посвящено влиянию климатических особенностей Северной Исландии на сельское хозяйство в период 1700–1850 годов. Бывший директор Исландского метеорологического центра П. В е р г д о р с о н (Исландия) обратился к проблеме влияния климатических изменений на сельское хозяйство Исландии. Свои исследования докладчик построил преимущественно на материалах статистики, которые он рассмотрел в исторической ретроспективе XX в. Дж. Д о р (Исландия) дал всеобъемлющую характеристику роли рыболовства в традиционном исландском обществе, которое обычно считалось главным образом обществом фермеров.

Затрагивая тему истории культуры и этнического самосознания исландцев, Х. О л а ф с о н (Исландия) высказал мнение, что саги XII–XIII вв. были первой попыткой фиксации этнической идентичности исландцев.

На заседании, посвященном закрытию конгресса, было принято решение подготовить специальную web-страницу в Интернете с материалами конгресса, а также с именами и координатами его участников. Надо заметить, что электронные адреса всех участников были опубликованы еще в программе. Это позволило рассылать тексты докладов и продолжить дискуссию в виртуальном пространстве. Однако это лишь отчасти заменяет несостоявшуюся публикацию сборника докладов и тезисов.

На Арктическом конгрессе в Рейкьявике тема истории Исландии в общем циркумполярном контексте была представлена цельно и завершено не только благодаря удачно подобранным докладам, но и благодаря блестящей организации мероприятия. Четыре дня научного форума связывали не только прошлое и настоящее Арктики. Они стали своеобразным мостом, соединившим два главных праздника Исландии – ее Национальный День Независимости 17 июня и общий для всех народов Севера праздник – День летнего солнцестояния.

К.Л. Банников, Н.А. Месштыб

© 1999 г., ЭО, № 1

«ГЕНДЕР – СИЛА, ГЕНДЕР – ВЛАСТЬ...!»

**(III Российская летняя школа по женским
и гендерным исследованиям «Азов-98»)**

Проведение регулярных летних школ по женским и гендерным исследованиям – это попытка создать модель новой дисциплины, объединяющей методы, подходы и «технологии» разных гуманитарных наук. Гендерный подход к изучению социальных и исторических, этнопсихологических и культурных явлений все более уверенно заявляет о себе во многих научных направлениях в десятках стран. Гендерные исследования в современной России – это более 50 научных центров, кафедр и лабораторий в разных районах нашей страны от Калининграда до Владивостока, объединяющих почти 300 ученых – подлинных новаторов, готовых щедро делиться знаниями и результатами собственных «наработок» с коллегами.

В этом плане идея организации научно-образовательных школ по гендерным исследованиям, родившаяся три года назад, была очень своевременной. «Легкими» они стали потому, что это время года как нельзя более устраивало преподавателей, свободных от обычных обязанностей в своих вузах. Главной их целью стало внедрение гендерных исследований в систему высшего образования в России в научно-исследовательские проекты и программы, их институционализация. В то же время, российские летние школы по гендерным исследованиям (РЛШГИ) оказались истинно феминистской инициативой: они исключали какую-либо субординацию, деление на «учителей и учеников». Не секрет, что участвуя в работе любой конференции, симпозиума или же своего «родного» научного подразделения, каждый из сотрудников попадает в ситуацию конкурентности. Этот контекст при проведении «школ» заменила ситуация солидарности, когда каждый из участников одновременно и «тренер» (во время проведения семинара или чтения им лекции) и «тренируемый» (когда занятия ведет коллега).

Не удивительно, что «школы» стали новой, демократической, альтернативной уже существующим – как неизменно подчеркивает их организатор и бесценный вдохновитель, директор Московского центра гендерных исследований З.А. Хоткина – формой образования в России, новым типом обмена результатами научного анализа.

Инициатива проведения школ, исходившая от Московского центра гендерных исследований (МЦГИ), существующего как межинститутское подразделение РАН, сразу же была поддержана Фондом Форда (США). Кроме того, активными организаторами РЛШГИ стали региональные университеты: при проведении I Российской летней школы («Валдай-96») партнером МЦГИ был Гверской государственный университет, II – («Волга-97») – Самарский университет, а состоявшейся 28 июня – 12 июля 1998 г. III школы («Азов-98») – Государственный университет Ростова-на-Дону.

Число желающих принять участие в работе «школ» всегда превышало финансовые возможности ее организаторов. III «школа» не была исключением: отбор участников осуществлялся на конкурсной основе (4 чел. на место). Главные критерии отбора – профессионализм и живая заинтересованность в развитии женских и гендерных исследований в России. Поскольку же девизом РЛШГИ был избран тезис «*Учить тех, кто учит других*», постольку приоритет имели вовлеченные в социальную практику преподавания и увлеченные идеей создания собственных научных центров феминистической и гендерной направленности. «География» участников III школы оказалась обширнее предшествующих: заявки пришли из более чем полусотни городов. Особое внимание было обращено к тем участникам конкурса, которые еще не приглашались на «школы», и, в особенности, к тем, кто представлял новые города и университеты. Таким образом сформировался «групповой» портрет участника III РЛШГИ: пол – женский (95%), возраст – 35 лет, образование – «высшее и еще выше» (2 академика, 5 докторов и 24 кандидата наук). Рабочим языком школы был русский, но присутствие на занятиях иностранных участников (на III школе их было 5 – из Европы и США) активизировало у большинства и знание английского.

Общение и, шире, научное взаимодействие между участниками «гендерных школ» – организаторами и участниками – носило не только формальный (лекции, семинары, тренинги, презентации учебных курсов), но и неформальный характер. Оно не ограничивалось рамками учебного времени: жаркие споры, начавшись в ходе семинарских занятий, обычно продолжались за пределами «класса» – во время прогулок, экскурсий, вечерних «посиделок». Эта демократичность научного общения обеспечила уникальную атмосферу творческого подъема, а в итоге – высокую оценку информации, полученной за время пребывания на Азовском побережье. В «анкетах обратной связи» (они были розданы всем участникам в последний день пребывания) многие подчеркнули, что для приобретения той суммы знаний, которая была получена в «школе», «понадобилось бы минимум полгода сидеть в библиотеках».

В известной мере причиной привлекательности лекций, семинаров и других видов занятий для участников «школ» было строгое соблюдение междисциплинарного подхода к обсуждаемым темам. Опыт первых двух «школ» заставил отказаться от «специализированности» – разделения участников по научным дисциплинам (историки, философы, социологи, психологи и т.п.). Во главу угла были положены интересные и нужные всем *проблемы теории и методологии* гендерных исследований, а также еще три научные проблемы, в обсуждении которых могли сказать свое слово представители практически всех отраслей знания. Это, *во-первых*, гендерная экспертиза правового статуса индивида (права женщин как права человека, от международных норм к российским реалиям); *во-вторых*, социальный статус в гендерном аспекте (положение женщины в российском обществе, экономике, политике, семье и его отличие от статуса мужчины) и, *в-третьих*, образ мужественности и женственности в литературе, истории, искусстве и СМИ.

Отказ от «специализированности» в подготовке III школы исключил какое-либо деление на секционные заседания. Решено было проводить все занятия, «круглые столы», дискуссии и тренинги сразу для всех участников, принимая к обсуждению лишь те заявки, которые очевидно интересны и психологу, и социологу, и историку, и литературоведу. Таким образом, «проработка» и осмысление российской гендерной тематики и методологии происходили одновременно с конструированием нового научного сообщества. Креативный, аналитический подход рождал практики, а они, в свою очередь, создавали условия и для дальнейшего развития науки, и для комплексного решения реальных общественных проблем – женского статуса, женских прав, женских образов в андроцентричном, ориентированном на мужчину российском социуме.

Первые два дня заседаний были целиком отданы специалистам в области теории и методов гендерных исследований, чтобы познакомить новичков с терминологией (феминистский тезаурус), а главное – обобщенно представить уровень развития интересующей всех «гендерной составляющей» в различных дисциплинах. Философию на этих заседаниях представляли доклады И.С. Кона (Москва), А.А. Костиковой (Москва) и Т.М. Булавинной (Харьков), социологию – директора Центра интеграции женских исследований Т.М. Герасимовой (С.-Петербург), историю – директора учебных и научных программ РЛШГИ при МЦГИ Н.Л. Пушкаревой (Москва), экономику и демографию – директора ИСПЭН РАН Н.М. Римащевской, социальные науки – выступление директора Женского кризисного центра «Анна» А.С. Синельникова (Москва). Подводя итоги двух первых дней работы, организаторы и слушатели школы не могли не отметить факта быстрого развития гендерного подхода в философских науках, особенно – в социологии, заметных успехов его в психологии, литературоведении и очень медленного проникновения новых идей в историю и лингвистику.

Н.Л. Пушкарева с сожалением отметила отсутствие на «школе» профессиональных этнологов и фольклористов, равно как досадную медлительность внедрения гендерной методологии в этнографию и смежные с ней науки. Она отметила, что работы историков и этнологов, демонстрирующих знакомство с новейшими феминистскими и, шире, постмодернистскими теориями, все еще довольно редки. С другой стороны, весьма часты ошибочные попытки отождествить любое изучение повседневного быта и прав женщин в традиционных обществах, их отраженность в народной прозе и устно-поэтическом творчестве с гендерными исследованиями, отличительной чертой которых является междисциплинарность.

И.С. Кон и Н.М. Римащевская, а также участники дискуссий по их докладам отметили недостаточность литературы на русском языке, неостребованность гендерной проблематики в конъюнктурных темах и проектах, невозможность прямо адаптировать достижения западной науки и феминистской практики на русской почве, в том числе в современной российской политике как основные причины трудностей внедрения гендерного подхода в разные направления академических исследований и социальной работы. В то же время И.С. Кон и А.С. Синельников особо подчеркнули важность исследования «маскулинности» параллельно и компаративно с «фемининностью», сравнительного изучения мужской и женской психологии и логики, моделей мужского и женского поведения, без которых явления гендерного дисплея (проявлений неполноправия, стереотипных представлений и правовых норм, которые на них базируются) не могут быть вполне поняты.

Два следующих дня были посвящены обсуждению прав женщин как особых прав человека. В контексте этого проблемного поля особенно информативными были выступления психологов и социальных работников, в том числе представительниц НЖО (неправительственных женских организаций, возникших в 1991 г. после утраты Комитетом советских женщин монопольного положения в системе женского движения в России). В частности, зав. кафедрой психологии Харьковского государственного университета Е.Ф. Иванова (Харьков) особо подчеркнула, что в современном российском общественном сознании отсутствует представление о существовании у женщин каких-то особых, отличных от мужских и общегражданских, социальных прав. Причину этого докладчица видела в низком уровне современной правовой культуры («к особым женским правам относят лишь право на материнство и на его государственную поддержку», реже – «право на защиту от сексуальных домогательств мужчина»), несоблюдении прав человека в России вообще («а женских тем более»: 76% респондентов не читали Декларацию прав человека). Выступившая в дискуссии по докладу профессор Московской юридической академии М.Н. Малеина (Москва) отметила очень существенную причину несоблюдения «женских прав» – долговременное существование в советском праве «установки на равенство, независимо от пола индивида», отсутствия в советской юриспруденции понятия позитивной дискриминации женщин (т.е. создания для женщин более благоприятных правовых условий, чем для мужчин). Высокопрофес-

сиональный уровень выступления Л.Н. По п к о в о й (Самара), показавшей многочисленные отличия российского и американского феминизма, равно как несходство путей борьбы женщин за свои права в маскулинно-ориентированном обществе (России и США), позволили обнаружить разногласия самих российских правоведов в вопросе о понимании прав женщин как прав человека в современной России. «Открытый микрофон», организованный для обсуждения этой темы, равно как специальные выступления коллег-гендеристок из стран ближнего зарубежья – В. К о в т у н (Минск), К. Л е в о н я н и и А. М х и т а р я н (обе – Ереван) – заострили внимание на этническом и конфессиональном аспектах проблемы. Злободневно и остро прозвучало выступление М.Н. Малеиной о праве на изменение биологического пола человека и правовом регулировании связанных с этой проблемой вопросов и формальностей.

Наконец, особого обсуждения в контексте вопросов о социально-специфичных правах удостоилась тема «Женщина и насилие». Презентация огромного фактического материала, собранного Г.М. И в а н о в о й (Москва), Т.А. С и д о р е н к о в о й (Московская обл.), рассказавших о нарушении человеческих прав женщин в российских тюрьмах, о кризисных центрах, программах помощи женщинам, пережившим насилие, равно как выступление в дискуссии по этим докладам А.С. Синельникова, изложившего проект закона, направленного на предотвращение насилия в семье, вызвали неподдельный интерес.

Столь же жаркие дискуссии сопровождали и проведение «круглого стола», организованного З.А. Хоткиной и названного ею «Обыкновенный сексизм». З.А. Хоткина изложила результаты проведенного ею контент-анализа российской прессы за 1997–1998 гг. и пришла к выводу о том, что число сексистских тестов и заголовков (типа «Бабы страсти», «Дамы, овладевайте автомобилями, чтобы мужчины овладевали вами с большим наслаждением!» и т.п.) отнюдь не уменьшается. Причем печальными лидерами в этом смысле являются газеты так называемой «демократической ориентации» («Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Труд»), в отличие от оппозиционных и коммунистических («Правды» и «Советской России»). В последнее время в разряд «женских тем» отнюдь не случайно попала, как полагала выступавшая, криминальная хроника. В то время как по статистике МВД лишь 1 из 10 преступлений совершается женщинами, в прессе они освещаются куда чаще, формируя в общественном мнении «искаженный, претенциозный образ нашей современницы». Проявлениями сексистского отношения к женщине, по мнению ведущей «круглого стола», можно считать и особый интерес к проституткам, и стремление «педалировать» скорее образ неработающей, интересующейся кулинарией, модой и косметикой супруги, нежели образ самостоятельной, самодостаточной (в том числе и в одиночестве) женщины-политика, ученого, «бизнесменши». Выступивший с докладом И.В. Г р о ш е в (Тамбов) показал, как – вербально и невербально – «эксплуатируется» женский образ в рекламе. Настойчиво пропагандируемые нарциссизм (женщина, любующаяся собою в нижнем белье), соперничество (различия во мнениях матери и дочери), сексомания (женщина как жертва сексуальной одержимости, вызванной запахом дезодоранта) и т.п. внедряются в унастроения общества как наиболее общие, «вневременные и внеиндивидуальные» женские качества.

Образ женщины и женственности, равно как мужчины и мужественности в СМИ, литературе, фольклоре, искусстве (в том числе в кино) стал темой для коллегиального обсуждения двух следующих дней работы «школы». Весьма информативными для слушателей оказались вводные доклады И.Л. С а в к и н о й (Петрозаводск) «Рецепция женской литературы в русской критике первой половины XIX в.» и главного редактора феминистского журнала «Преображение» Е.И. Т р о ф и м о в о й (Москва) «О женской литературе 1990-х годов». Весьма существенным достижением отечественного литературоведения, в том числе изучающего женскую и гендерную тематику, утверждали докладчицы, следует признать вычленение из общего культурного контекста женской и «дамской» литературы (драматургии, поэзии и, главным образом, прозы), проведение между ними своеобразного «водораздела». «Дамская» литература существует столько же, сколько и женская (т.е. более двух веков), имея, как и последняя, свои стигматы и качественные характеристики (красивая героиня, любовная линия в сюжете, счастливый конец и т.п.). Обсуждение докладов литературоведов заставило участников «школы» сосредоточиться на отражении образа женственности и женщины в нарративных текстах. Этому были посвящены выступления Н.Л. Пушкаревой и М. Р ю т к е н е н (Тампере) о женских автобиографиях и мемуарах, О.В. Б е р д о в о й (Кострома) о провинциальной печати XIX–XX вв., социолога О.Л. Л е б е д ь (Москва), проанализировавшей свыше 5 тыс. анекдотов, чтобы вычленив мужской и женский «голос», разную систему ценностей полов в неформальной народной культуре. Отметив существование в России «особого типа материнской любви» и отношений матерей и детей, два зарубежных участника «школы» – Ф. Бу л л о к

(Оксфорд, Великобритания) и Д. К и р ь я н о в а (Аризона, США) предложили обсудить особенности отображения этой «особости» в советской литературе (Ф. Буллок предпочел остановиться на А. Платонове и его современниках, а Д. Кирьянову интересовали более проявления национальных русских особенностей материнства в послевоенной советской литературе).

Работу школы завершили заседания, которые вели социолог и экономист – Е.В. М а ш к о в а (Набережные Челны) и И.Е. К а л а б и х и н а (Москва). Они были посвящены теме изменяющегося статуса женщины в семье, обществе, политике. Отсутствие на «школе» историков и этнографов, не сумевших «развернуть» свои заявки и темы в сторону широких обобщений, «вписать» свои конкретно-исторические штудии в контекст времени, – было в эти дни особенно ощутимым. Выступление И.Д. Г о р ш к о в о й (Москва) об электоральных ожиданиях россиян в отношении женщин-политиков, Т.Ю. Ж у р ж е н к о (Харьков) о современном экономическом положении украинок могли бы иметь совершенно иной вес, если бы им была предпослана историческая ретроспектива (женщина в политической жизни российского или украинского общества на протяжении хотя бы нескольких десятилетий). Положительный пример – выступление Л.Г. Л у н я к о в о й (Москва) о проблемах матерей-одиночек, которое прозвучало как завершающий аккорд всех обсуждений по проблемам материнства, как руководство по защите материнских прав. Об особой роли женских организаций в обучении женщин самостоятельности и независимости говорило немало участников «школы» (Е.В. М а ш к о в а, А.А. К л е ц и н а (С.-Петербург), Е.А. Б о ж к о в а (Москва) и др.). Любопытно, что в ответ на эти страстные обсуждения мужчины – участники «школы» (И.С. Кон, А.С. Синельников, Ф. Буллок, И.В. Грошев, С.А. Ушакин) организовали во внеучебное время «открытый микрофон» на тему «Мужчина в феминистском мире», предложив собственные ответы на вопрос о том, почему они склонны считать себя феминистами.

Итоги работы школы были подведены в последний день ее работы, который по общему согласованию вновь был отдан обсуждению теоретических вопросов, прежде всего изложению новейших феминистских теорий в связи с уже определившимися и известными наукам об обществе (марксистской и фрейдистской парадигмами, теорией социального конструирования – в данном случае, гендера, а также ряда других). Подготовленные двумя неделями работы «школы», ее молодые участники уже не испытывали дискомфорта от употребления выступавшими непривычной научной лексики, введенной в оборот зарубежными философами. Содержание же докладов С.А. У ш а к и н а (Барнаул), А.А. Т е м к и н о й (С.-Петербург), Н.М. Римашевской очертило для всех слушателей, к какому бы «профессиональному цеху» они ни принадлежали, ясные задачи и перспективы дальнейшего изучения «своих» тем под гендерным углом зрения, с применением новейших подходов и практик.

По материалам III Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям в 1999 г. будет опубликован сборник статей, который привлечет интерес и научных, и практических работников. Шуточная «речевка», возникшая на прошлой летней школе «Гендер – сила, гендер – власть, ниже пола не упасть!», точно определяет и бесстрашие тех, кто берется за изучение новой темы (теории социального пола), и ее растущую научную значимость.

Н.Л. Пушкарева